

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ПОЛИТАРНОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ УЧЕНОГО И ИЕРОКРАТИИ

Вячеслав Юрьевич Васечко

Доктор философских наук

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук

E-mail: vyacheslavpetro@narod.ru

Рассмотрена социокультурная ситуация, в которой находится индивид, занимающийся естественнонаучными и математическими исследованиями в политарном обществе (Древние Египет и Вавилон, Индия и Китай, средневековый арабо-мусульманский мир и др.). Главное внимание уделено сложным и конфликтным взаимоотношениям ученых и иерократии (клира). Ритуалы, совершаемые служителями культа, позиционируются ими как необходимое условие сохранения природного и социального миропорядка, тогда как суверенный когнитивный дискурс предполагает право ученого на свободный пересмотр существующих представлений о мире в целом и об отдельных деталях его устройства и эволюции. Исполнение ритуальных действий в формируемой работой ученых картине мира не может играть существенной роли. Как следствие, протонаучные концепции мироздания трактуются иерократией как богопротивные и еретические. Однако ученые при благоприятных условиях могут достаточно успешно противостоять клерикальному давлению и продолжать свою когнитивную деятельность.

Ключевые слова: традиционная наука, политарное общество, эпистемологический дискурс, ученый, иерократия, культ, когнитивный, ритуал

EPISTEMOLOGICAL DISCOURSE IN POLITARY SOCIETY: CONFRONTATION BETWEEN THE SCIENTIST AND HIEROCRACY

Vyacheslav Y. Vasechko

DSc of Philosophy

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

E-mail: vyacheslavpetro@narod.ru

The article describes the socio-cultural situation in which the individual working on scientific and mathematical problems turns out in a politary society (ancient Egypt and Babylon, India and China, medieval Arab-Muslim world, etc.). It focuses on the complex relationship between scientists and the hierocracy (clergy). Rituals, committed by clergy, positioned as a necessary condition for the preservation of the natural and social world order. On the contrary, sovereign cognitive discourse implies that the scientist has a right on free revision of existing views both on the world in general and specific details of its devices and evolution. The performance of rituals can not play any significant role in the picture of the world which is created by scholar's work. As a result, proto-scientific concepts of the universe are treated by hierocracy as godless and heretical. But scientists under favorable conditions can successfully resist this pressure and continue their cognitive activity.

Keywords: traditional science, politary society, epistemological discourse, scholar, hierocracy, cult, cognitive, ritual

Анализ закономерностей, которым подчиняется естественнонаучный дискурс в политарном обществе [1, с. 52-58], известном также как «азиатский способ производства», «восточная деспотия», «олимпийская культура» и др., представляет немалый теоретический интерес. Противостояние между учеными, пытающимися проникнуть в тайны Природы, Космоса, Вселенной, и клерикалами, пребывающими в уверенности, будто только им могут быть открыты все эти тайны, проходит красной нитью через все века политаризма, а его рецидивы продолжают давать себя знать до сих пор. Один из способов понимания смысла этого конфликта – выявление полярных, антонимичных философских концептов, каждый из которых

явно/неявно полагается данной стороной в качестве безусловной, абсолютной ценности, определяющей генеральное направление принятого и развертываемого ею дискурса.

Если мы ограничим наше рассмотрение традиционной науки в политарных социумах знанием, имеющим предметом установление истинного устройства и закономерностей развития Природы, т.е. *естествознанием* (вкуче с *математическими науками*, без которых оно немыслимо), и будем понимать под наукой прежде всего *деятельность* по открыванию еще неоткрытого и познанию еще непознанного, то процент истинных ученых окажется мизерным. Подавляющее большинство людей, имеющих здесь отношение к науке, предпочитает твердую почву того, что более или менее апробировано и общепризнано, оставляя рискованное дело поиска действительно нового знания немногим отчаянным одиночкам.

В любой модели политарного социума ученому приходится действовать в условиях уже сформировавшейся *религиозной картины мира*, включающей в себя, разумеется, и картину природы, живой и неживой. По сути, эта картина играет роль куновской *парадигмы*: она определяет как те формы и методы когнитивной деятельности, которые считаются разрешенными и даже иногда поощряются, так и те, которые более или менее жестко третируются и табуируются.

Очевидно, что у стоящего на страже традиционных политарных ценностей сословия нет прямой заинтересованности в детализации, углублении и тем более пересмотре наличной картины мироустройства. Зато есть четкое сознание того, что деятельность разных самодельных энтузиастов чревата опасными открытиями, могущими в перспективе поставить под сомнение тот порядок жизни, с которым данная иерократия себя отождествляет. Отсюда та неприязнь и то недоверие, с которыми когорты священнослужителей относятся к тем, кто стремится просто изучать материальный мир, как он есть, и не подчиняется предвзятым догматическим суждениям, откуда бы они ни исходили.

Рассмотрим один из пунктов, где конфликт между противоположными установками (научно-рационалистической и клерикально-охранительной) достигает наибольшего напряжения, выделив пару оппозиционных аксиологических концептов: *Когнитивное* – *Ритуальное*. Первый из них играет роль неявного, беспредпосылочного знания для тех, кто ставит во главу угла познание естественной реальности, как она есть, второй же полагается в качестве безусловного, необсуждаемого абсолюта теми, кто принимает существующую религиозную картину мира как самодостаточную и незыблемую данность, а в профанных науках видит лишь нечто вторичное, функциональное, вспомогательное. За теоретической «борьбой» этих идей-концептов скрывается реальная борьба между людьми с противоположным мировоззрением, равно как и конфликт полярных социальных трендов.

Иерократическая элита, как и вся иерархия духовенства сверху донизу, в качестве одной из важнейших своих социальных функций полагает установление и поддержание эффективных контактов с миром бестелесных существ. Без регулярного и систематического совершения многообразнейших ритуалов существование сословия служителей культа немыслимо. Независимо от степени личной веры в действенность магических процедур священник обязан вести себя как хороший актер, чтобы у окружающих не могло возникнуть и тени сомнения в важности совершаемой им процедуры. А ценность и духовная сила ее полагается функцией того ранга, который занимает данная персона в иерархии: они неуклонно возрастают по мере перехода от низших степеней посвящения к высшим, достигая максимума в тех обрядах, которые поручено отправлять первому лицу – типа херихеба (верховного жреца и распорядителя ритуальных церемоний в Древнем Египте) или китайского императора, поскольку тот являлся главой не только светской, но и духовной власти [2, с. 379-382].

В практике иерократии мы обнаруживаем и своеобразную когнитивную компоненту ритуала – те тексты, где точно прописывается, какие перемещения, телодвижения и манипуляции должны производить его участники, какие молитвы и магические формулы должны при этом произноситься и пр. Указанные тексты не представляются на всеобщее обозрение, особенно когда речь идет об архиереях, а, наоборот, по возможности скрываются от непосвященных, как особая «таинственная книга искусства херихеба» [3, с. 220], Авеста, которую зороастрийские жрецы под страхом смерти запрещали читать непосвященным, или индийские Веды и Пураны, защищенные от внимания профанов прерогативами брахманской касты и запретом перевода их с санскрита на живые языки. В любом случае когнитивная функция ритуала всегда остается подчиненной потребностям иерократии, а неангажированная познавательная деятельность, как минимум, не приветствуется.

Благодаря совершенствованию вычислительной и инструментальной техники, непрерывному обогащению эмпирической базы и оттачиванию логических приемов интеллект конструирует такую картину чувственно наблюдаемого мира, где степень точности исполнения ритуальных действий не играет заметной роли и где последние уже не являются необходимым элементом. В этом мире господствуют вечные и неизменные законы, бесконечно более мощные, чем силы кого-то из людей, и действующие безотносительно к тому, совершил ли некий индивид, пусть даже облеченный верховной религиозной властью, некоторую последовательность манипуляций и вербальных формул. В этом мире Солнце восходит, совершает свой дневной путь по небу и уходит за горизонт вовсе не потому, что кто-то выполнил некоторые церемонии. В этом мире небосвод не обрушивается за землю оттого, что кем-то совершено ужасное святотатство или не исполнена по недоразумению какая-то сакральная заповедь. Если здесь и происходит нечто неожиданное, экстраординарное, даже катастрофическое, то лишь в силу рационально постижимых естественных причин. В этом мире, собственно, любой религиозный ритуал теряет смысл и оказывается нужным лишь тем, кто имеет в нем определенный земной интерес.

Чуткая интуиция наиболее продвинутых иерократов быстро улавливает обозначающиеся тренды и воспринимает возможные их последствия для своей корпорации весьма болезненно. За неимением когнитивно-научных аргументов используются силовые: нечестивца, самое малое, принуждают к исполнению обрядов, если у него не находится достаточно влиятельных заступников. Известно, что Омару Хайяму на склоне лет пришлось совершить хадж в Мекку, чтобы хоть ненадолго успокоить мусульманских законников, возмущенных, правда, не столько его достаточно осторожными и лояльными к исламу научными трактатами, сколько стихами, в которых великий ученый не скрывал своего личного негативного отношения к религии и, не в последнюю очередь, к исламской обрядности [4, с. 169-170; 5, с. 220-225].

Впрочем, даже в тех случаях, когда серьезный ученый в повседневной жизни не выражает непочтения к официальному церемониалу и, подобно Ибн Сине, рассматривает его как аскетическую практику, пытаясь разглядеть за ним некий духовный пласт, это редко делает его жизнь легче и свободнее. В своих «Указаниях и наставлениях» Абу Али, критикуя поверхностное, показное благочестие, указывает на разницу между формально-меркантильным и содержательно, когнитивно подкрепленным ритуальным поведением: «Служение богу несведущего в мистике ... является лицемерием, и он словно совершает его в этом мире ради получения вознаграждения в том мире, как выгодной сделки, а для мистика это ревностные упражнения для упрочения своей веры ... с тем, чтобы приучить себя, сторонясь лжи и тщеславия, стремиться к истине» [6, с. 367]. Однако такой вариант может дать «мистику» (т.е. настоящим ученым типа самого Ибн Сины) лишь внутреннее спокойствие и уверенность в правильности избранного пути, но вряд ли способен кардинально переломить отношение к нему радателей ритуальной Истины – подозрительное, высокомерное, часто агрессивное и очень редко толерантное.

Разумеется, когнитивное освобождение от пут религиозного ритуализма может происходить разными путями, которые не исключают друг друга и вполне могут успешно сочетаться в сознании одной и той же личности. Интерес к окружающему внешнему миру и такой же интерес к внутреннему миру собственного Я могут даже резонировать и взаимно усиливаться, ибо оба являются формами познавательной активности человека и, различаясь по объекту, часто пользуются сходными и даже одними и теми же методами. И антиподы у них обоих, собственно, тоже общие, и к числу их относится превозносимый иерократами наличный конфессиональный культ, ставящий ритуальную форму выше содержания, а действие – выше того смысла, во имя которого оно совершается. Научное и художественное творчество Ибн Сины и Омара Хайяма – наглядное тому подтверждение.

Итак, иерократия, как звено в структуре государственной власти и социального управления политарных социумов, претендует на монополию в обладании Истиной, в формировании и сохранении общепринятой в данной культуре картины мира и потому не склонна содействовать попыткам ее обновления и реформирования. Однако ученое сообщество при благоприятных условиях способно успешно противостоять жесткому иерократическому давлению и решать все более сложные когнитивные задачи, которые составят впоследствии историю отдельных естественнонаучных и математических дисциплин.

Литература

1. Семенов Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. М., 2011. 376 с.
2. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 2001. 488 с.
3. Лившиц И. Царь Хеопс и волшебники // Сказки Древнего Египта. М., 1998. С.217-234.
4. Розенфельд Б.А., Юшкевич А.П. Омар Хайям. М., 1965. 192 с.
5. Султанов Ш.З., Султанов К.З. Омар Хайям. М., 2007. 320 с.
6. Ибн Сина. Указания и наставления // Ибн Сина (Авиценна). Избранные философские произведения. М., 1980. С.229-382.

НАУКА И РЕЛИГИЯ. ЯН КВАЧАЛА И ИЗУЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯНА ГУСА*

Дмитрий Иванович Вебер

Кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: d.veber@spbu.ru

В рамках статьи рассматривается исследовательская деятельность Яна Родомилы Квачалы, связанная с Яном Гусом и его последователями. Основное внимание обращено на несколько сюжетов. Во-первых, работы Квачалы о реформаторе в контексте изучения так называемой Стокгольмской рукописи, в которой имеются собственноручные пометы Гуса. Этот аспект активно рассматривался исследователями рубежа XIX – XX вв. для ответа на вопрос, принадлежит ли авторство данной рукописи Уиклифу или же самому Гусу. Во-вторых, работы Квачалы рассматриваются, в том числе в тесной связи с политическими процессами первой половины XX столетия. Работы Квачалы в первые два десятилетия были связаны не только с юбилеем Яна Гуса, но и с формированием собственной национальной истории, в отрыве от австро-венгерской историографической традиции.

Ключевые слова: Ян Квачала, Ян Гус, историография, религиоведение, университет Тарту, гуситы

SCIENCE AND RELIGION. JAN KVAČALA AND JAN HUS STUDIES

Dmitriy I. Weber

CSc in History, Associate Professor

Saint Petersburg State University

E-mail: d.veber@spbu.ru

The article deals with the research activities of Jan Rodomila Kvačala related to Jan Hus and his followers. The main focus is on several subjects. First of all, Kvačala's works about the reformer in the context of the study of the so-called Stockholm manuscript, which has handwritten notes of Hus. This aspect was actively considered by the researcher at the turn of the 19th-20th centuries in order to answer the question whether the authorship of the manuscript belonged to Wickleaf or to Hus himself. Second, Kvačala's works are considered in close connection with the political processes of the first half of the 20th century. Kvačala's works in the first two decades were connected not only with Jan Hus's anniversary but also with the formation of his own national history, in isolation from the Austro-Hungarian historiographical tradition.

Keywords: Jan Kvačala, Jan Hus, historiography, religion studies, University of Tartu, Hussites

* Материалы подготовлены при финансовой поддержке гранта РФФИ проект № 16-18-10083.